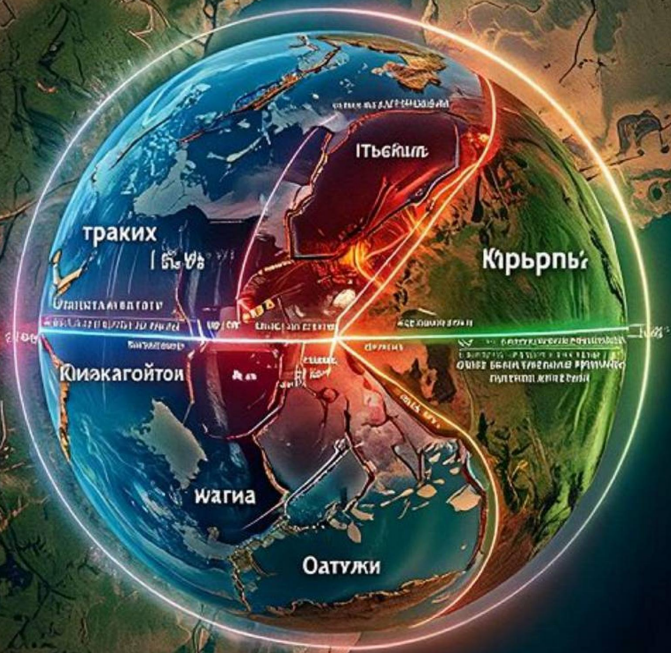

Максим Орлов
Кеер трцкат

Роталарий
Мы остаёмся

Максим Орлов

Мы остаёмся

<https://litres.ru/74571909>

SelfPub; 2026

Аннотация

Земля, 2219 год. После череды терактов, экологических катастроф и глобальных мутаций мир распался на три очага. На востоке Америки стоит Контур — военно-корпоративный порядок, где носителей мутаций учитывают как номера. На Урале — Кольцо, где порядок держится на генераторе, воде и военной полиции. На месте бывшего Ирана — Сад, единственное место, где мутации перестали быть проклятием. Между ними лежит Пустошь, и по ней идут мутанты, которых тянет к холоду.

Капитан военной полиции Егор Валиев держит карантинный блок, пока к его воротам не приходит человек, который сам сдаётся в плен. Лейтенант морской пехоты Дэвид Роу получает приказ вывезти носителя из Пустоши или уничтожить его при угрозе срыва. Двое идут навстречу друг другу и не знают, что Сад звал их обоих с самого начала.

Всё, что они увидят, может быть правдой. А может — ложью, построенной из их собственных страхов.

Содержание

ПРОЛОГ	4
ГЛАВА ПЕРВАЯ	23
ГЛАВА ВТОРАЯ	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Мы остаёмся

ПРОЛОГ

Коллапс не пришёл в один день. Так его представляли только в старых фильмах, которые теперь никто не смотрит, потому что плёнка сгнила, а цифровые архивы осыпались вместе с серверами. Настоящий конец был длинным и вязким, растянутым на два столетия, и люди успели к нему привыкнуть задолго до того, как осознали, что живут внутри катастрофы.

Первая волна началась с огня. Теракты на Ближнем Востоке выбивали нефтяные узлы один за другим, методично и без спешки, как выбивают зубы из челюсти. Ответ НАТО растянулся на десятилетие, потом на два, и никто не заметил того момента, когда мир перестал быть взаимосвязанным. Просто однажды выяснилось, что кофе в Осло больше не привозят, что детали для генераторов в Новосибирске больше не делают, что привычная логистика, державшая планету в одной сети, тихо распалась на отдельные нити и оборвалась. Экономика рухнула позже, чем логистика, и это было самое странное: полки опустели раньше, чем исчезли деньги.

Вторая волна пришла водой. Океан поднялся, пояс Сахара пополз на север, как живое существо, ищущее новое ме-

сто. Береговые города смыло за одну весну. Миллиарды людей сдвинулись с места, и границы из линий превратились в фильтры. Через них процеживали, а не пропускали. Кто не прошёл, оставался снаружи, и это было хуже смерти, потому что снаружи не оставалось ничего, кроме ветра и пыли.

Третья волна оказалась тихой. Она началась в лабораториях, тех самых, которые строили для защиты и бросили, когда защищать стало нечего. Биологические агенты, созданные для войн, которых не случилось, вырвались в мир, который к ним не готовился. Первые мутации были уродствами. Вторые — смертью. Третьи — жизнью, потому что жизнь всегда приспособливается быстрее, чем её успевают запретить. Так появились те, кто уже не был человеком, но ещё помнил, как им быть.

Четвёртая волна не закончилась. Она идёт прямо сейчас, в две тысячи двести девятнадцатом году, и конца ей не видно. Земля пустеет, не вымирает, а именно пустеет. Люди уходят в очаги, потому что между очагами ходить стало дороже, чем сидеть. Пустошь растёт, как опухоль, и никто не знает, где её край, потому что край всё время сдвигается.

Европа умерла первой, и умерла она не от мутаций, а от плотности. Слишком много людей на слишком маленьком пространстве, слишком много границ, которые в один день перестали работать. Когда океан поднялся, Нидерланды ушли под воду за неделю, а вместе с ними ушли порты, через которые Европа дышала. Германия и Франция ещё дер-

жались десятилетие, отгораживаясь от беженцев и друг от друга, но третья волна добила их. Лаборатории, разбросанные по всему континенту, дали столько утечек, что Европа превратилась в лоскутное одеяло из заражённых и чистых зон, и эти зоны перестали сообщаться между собой. Сейчас на её месте лежит архипелаг очагов, разбросанных от Скандинавии до Пиренеев, и эти очаги не связаны ничем, кроме редких караванов. Северные страны уцелели лучше других, потому что холод и расстояние всегда были их союзниками, и там до сих пор живёт нечто похожее на государство. Но государство это закрытое, оно не торгует и не пускает, и о нём известно меньше, чем о Пустоши.

Китай рухнул иначе. Он рухнул не от воды и не от мутаций, а от собственного веса. Когда логистика сломалась, выяснилось, что миллиард с лишним человек невозможно прокормить без сети дорог и портов, и голод прошёл по стране, как нож. Власть не исчезла, она распалась на куски: военные округа, каждый со своим генералом, каждый со своим запасом, каждый со своей зоной ответственности. Сейчас на месте Китая существует несколько военных государств, которые называют себя провинциями и ведут между собой вялую войну за воду и уголь. Они не выходят за свои границы, потому что внутри границ хватает проблем, и о них в Кольце знают только по слухам, которые приносят караванщики с востока. Ни один караванщик не ходит туда дважды.

Индия не выжила вовсе. Её смыло. Бенгальский залив и

Аравийское море поднялись одновременно, и то, что осталось от страны, превратилось в цепочку островов, на которых нечего есть и негде укрыться. Часть людей ушла на север, в Гималаи, и там, говорят, до сих пор живут общины, которые не спускаются вниз. Другая часть ушла в Сад, потому что Иран был ближе и открыт для гибридов, и эти люди стали частью иранского очага, растворились в нём, как растворяется сахар в чае. Про третью часть никто ничего не знает, и это молчание красноречивее любых рассказов.

Африка выжила, но не как континент, а как пустыня. Сахара поглотила север, вода ушла из Нила, и Египет, который держался на этой воде пять тысяч лет, рассыпался за одно поколение. К югу от Сахары сохранились очаги, в Конго, в Эфиопии, в Южной Африке, но они отрезаны от мира и живут своей жизнью, о которой внешний мир знает только то, что она есть. Южная Африка, говорят, устояла лучше всех, потому что у неё были свои технологии и своя изоляция, и оттуда иногда приходят люди, которые говорят на странном английском и не понимают, что такое Контур. Их пускают, потому что они приносят металл, и потому что никто не хочет с ними ссориться.

Австралия превратилась в крепость. Она закрылась ещё во вторую волну, отгородилась от мира, и с тех пор не пускает никого. Что там происходит, не знает никто, и это незнание стало частью австралийской легенды: в Контуре говорят, что там живут мутанты, в Кольце — что там живут люди,

а в Саду — что там давно уже никто не живёт. Ни одна из версий не проверена, потому что каждый, кто пытался проверить, не вернулся.

Южная Америка распалась на три части. Бразилия удержала Амазонию и превратилась в государство-плантацию, где выращивают еду для себя и не продают её никому. Аргентина и Чили объединились в союз двух побережий, который держится на рыбе и ветре. Андские страны ушли в горы и закрылись там, и о них известно только то, что они закрылись. Никакой связи с тремя главными очагами у Южной Америки нет, и это не трагедия, а просто факт: между ними лежит океан, а океан в две тысячи двести девятнадцатом году — это не дорога, а стена.

Антарктида осталась Антарктидой. Там всегда было пусто, и там пусто до сих пор. Единственное, что изменилось, это то, что лёд стал тоньше, и под ним нашли несколько старых станций, которые кто-то построил ещё до коллапса и оставил. Что в них, никто не знает, потому что туда не ходят экспедиции: слишком далеко, слишком дорого, слишком мало смысла.

На планете осталось три настоящих центра силы.

Первый называется Контур. Это восточное побережье Северной Америки, от Бостона до Атланты, сросшееся в один военно-корпоративный организм. Формально там всё ещё Соединённые Штаты, но фактически армия, медслужба и логистика сплелись в единое целое, а гражданское управле-

ние осталось на бумаге, которую никто не читает. Контур не спасает людей, он их учитывает, и в этом главное различие между милосердием и порядком. Холод там не климатический, а процедурный. Люди говорят ровно, стреляют раньше, чем спрашивают, и мутантов не уничтожают — каталогизируют. Каждый носитель получает номер, и номера хранятся лучше, чем имена.

Второй называется Кольцо. Это Урал, Сибирь и отдельные узлы на Волге, соединённые тоннелями и караванными тропами. Столица здесь не город, а сцепка из трёх укрепрайонов, и в этой сцепке живёт всё, что осталось от прежней страны. Русские выжили за счёт расстояний и жёсткости, и жёсткость эта не имеет ничего общего с жестокостью. Военная полиция держит воду, топливо, карантин и порядок. В этом порядке нет любви, но есть работа. Мутантов изучают, латентных изолируют, хищных уничтожают. Здесь ценят предсказуемость, потому что предсказуемость можно планировать, а справедливость — нет.

Третий называется Сад. Это Иранское плато, Персидский залив и куски Месопотамии, сросшиеся в одно пространство, где мутации перестали быть проклятием. Единственный очаг, который пошёл им навстречу, научился с ними сосуществовать и построил гибридные поселения, гибридные тела и гибридную этику, которую ни Контур, ни Кольцо не признают. Для американцев это ересь. Для русских — угроза. Для самих иранцев — просто жизнь, потому что жизнь

всегда находит форму, которую можно носить.

Между тремя очагами лежит Пустошь. Там нет законов, нет номеров и нет карантина. Там есть тропы, вода, мутанты и люди, умеющие договариваться с первыми двумя. Пустошь не воюет. Она ждёт.

Мутации делятся на семь типов, и типы эти различают так же чётко, как различают породы собак или сорта пшеницы.

Дегенеративные — тело плывёт, кости гнутся не туда, кожа грубеет и трескается. Живут недолго, держатся толпой, опасны массой. Хищные — ускоренный метаболизм, зубы, рефлексy, одиночки. Опасны всегда, потому что голодны всегда. Симбиотические — человек и что-то внутри него, грибок, паразит, бактерия, сожители, которых нельзя вырезать. Разум сохраняется частично. Самый страшный тип, потому что они говорят, помнят и договариваются. Средовые — тело подстроилось под радиацию, холод, солёную воду или подземелье. Не агрессивны, но чужие, и чуждость эта ощущается кожей раньше, чем видна глазами. Репродуктивные — потомство нестабильно, дети рождаются разными, иногда полезными. Латентные — мутация спит и ждёт триггера, носитель может не знать годами, а может знать и молчать. И разумные. Единичные. Полноценное сознание в изменённом теле. Их убивают первыми, потому что боятся больше всего.

Об этом мире пойдёт речь. О двух людях, которые пока друг друга не знают, о носителе, за которым идут с двух сто-

рон, и о зиме, которая в этом году будет злее, чем обычно.

Вода в фильтре шла с ржавым привкусом. Егор привык к нему за годы и не морщился, просто налил полкружки, выпил медленно, поставил жестяную на стол так, чтобы не звякнула. В блоке ценили тишину, потому что она стояла здесь дороже топлива, и каждый это знал.

За стеной ровно гудел генератор. Низко, на одной ноте, как большое животное, которое спит и знает, что его не тронут. Пока он гудит, порядок держится, и Егор давно перестал объяснять это новым, потому что они понимали сами, недели через три.

Он сидел на табурете, привалившись спиной к бревенчатой стене, и чистил пистолет. Не потому, что оружие нужно было в чистке, оно было вычищено ещё вчера, а потому что руки требовали занятия. Так, бывало, каждое утро: тело просыпалось раньше головы, и пока голова догоняла, руки делали что-нибудь бессмысленное и правильное.

Сержант вошёл без стука, потому что здесь так ходили все. Стучать означало бы иметь дверь, а не полог из промасленной ткани, и полог эту функцию не выполнял.

— Капитан, третий сектор.

Егор поднял глаза от стола. За окном тянулся серый рассвет, вязкий, будто его размешали в воде, и свет проходил сквозь морозную дымку медленно, как сквозь марлю.

— Что там?

— Караван. Двенадцать голов. Один — латентный.

Егор отложил пистолет, положив ствол на стол без стука, потому что звук металла о дерево будил тех, кто спал.

— Как определили?

— Сам сказал. На входе. Сознался.

Это было хуже, чем мутант. Мутант идёт в атаку, и его видно. Латентный идёт с мешком и просит пропуск, улыбается и помнит имя своей матери, называет тебя по званию, и ты отвечаешь ему, потому что не знаешь, что перед тобой.

— Веди.

Он застегнул бронежилет, тяжёлый, старый, чужой. Бирку с фамилией прежнего хозяина он стёр ещё в двадцать седьмом, но вмятина от букв осталась, и пальцы находили её сами, будто читали вслепую чужую судьбу.

На дворе пахло озоном и дымом. Слева стояли цистерны, обмотанные тряпьем от мороза, четыре штуки, все полные, но Егор всё равно проверял уровень каждое утро. Справа высилась вышка с пулемётом, и на вышке спал боец, привалившись к мешкам. Егор это запомнил, потому что всегда запоминал такое, и потому что потом за это кто-то платил.

Караван ждал у ворот. Люди стояли серой кучей, худые, обмотанные во всё, что нашлось: мешки, узлы, рваные шубы, куски брезента. Дети на руках, женщины, глядящие в землю, мужчины, глядящие в стороны. Впереди держался один, лет пятидесяти, седой, с ровной спиной, и спокойствие его

было слишком ровным для человека, который сутки шёл по морозу.

— Документы.

— Нет документов, капитан. Есть я.

— Имя.

— Ашот. Из-под Самары.

Егор посмотрел на его руки. Ногти ровные и чистые, а у караванных таких не бывает: под ногтями у них земля и кровь, а поверх мазут, и это не смывается даже кипятком.

— Ты сказал, что латентный. Зачем?

Ашот улыбнулся. Улыбка вышла тёплая и домашняя, и от неё стало холоднее.

— Потому что, если не скажу, вы меня убьёте на въезде, у вас правило. А если скажу, оставите, изучать, у вас тоже правило.

Он был прав, и Егор это знал, и врать ни себе, ни ему не стал.

— Обыскать.

Сержант шагнул вперёд. Ашот не двинулся с места, только чуть повёл плечами, будто устраивался удобнее в собственной коже.

— Капитан, у меня триггер — холод. Сейчас минус двенадцать, я держусь. Но если вы заставите меня раздеться, я перестану держаться. Не по злобе, по биологии.

Тишина легла на двор. Генератор гудел, боец на вышке спал, и караванные за спиной Ашота перестали дышать так

громко, что это стало слышно.

Егор снял с пояса наручники и бросил их сержанту. Металл звякнул о рукавицу.

— В изолятор. Не раздевать. Не поить горячим. Печку не топить.

— Есть.

Ашот прошёл мимо, ровно и не спеша, глядя перед собой, как человек, который знает, что за ним придут не сегодня, а позже, и это его устраивает.

Егор поднял голову к вышке, потом посмотрел на цистерны, потом на небо, серое и процеженное, как вода через фильтр. Он подумал, что если генератор встанет, порядок встанет вместе с ним, и тогда всё, что стоит у ворот, пойдёт внутрь, не по злобе, а по биологии.

Он поднялся на вышку по скрипучей лестнице и разбудил бойца, не крича и не ударив, а просто сказав два слова тихо. Боец побледнел и вытянулся.

Ночью обещали минус двадцать.

К вечеру мороз действительно пришёл, тихо и без ветра, и от этого казался тяжелее. Егор сидел в дежурке, пил чифир, заваренный до черноты, и слушал генератор. Тот гудел ровно, но в его тоне появилась новая нота, тонкая, на грани слуха, и Егор её уловил и отставил кружку.

Он вышел на двор, и воздух ударил в лицо, как мокрая

тряпка. Цистерны стояли, обмотанные тряпьем, и над ними поднимался слабый пар, а значит, топливо не замёрзло, но подобралось к краю. Он тронул рукой одну из бочек, и металл обжёг пальцы.

Из изолятора не доносилось ни звука, и это было правильно, потому что так предписывала инструкция. Но Егор знал, что инструкция — это бумага, а человек в изоляторе — это человек.

Он подошёл к двери, толстой, обитой жёстью, с окошком на уровне лица, и заглянул внутрь.

Ашот сидел на полу, привалившись к стене, в углу стояло ведро, а печки не было. Он не спал.

— Капитан, — сказал он ровно, не поднимая головы. — Я знал, что вы придёте.

— Зачем?

— Потому что вы проверяете вышку, вы проверяете цистерны, вы проверите и меня.

Егор молчал.

— Идите спать, — сказал Ашот. — Я додержусь до утра. Утром будет минус двадцать два, тогда, может, и не додержусь, но это утро.

Егор смотрел на него через окошко, потом закрыл заслонку и вернулся в дежурку. Он не спал, он сидел и слушал генератор, и генератор гудел.

Контур не спал никогда. Он гудел по-другому, не как животное, а как машина, которая знает, что нужна. Роу слышал этот гул с детства. Он родился под ним, в бункере, в четырёх метрах под Вирджинией, и до семи лет думал, что небо — это потолок с лампами.

Теперь он стоял на поверхности, и небо было настоящее, и оно ему не нравилось. Оно было серое, низкое, с медленными облаками, которые ползли в одну сторону, будто их кто-то тянул за верёвку.

Брифинг шёл в ангаре, где пахло резиной и спиртом. Майор говорил ровно, глядя в планшет, а не в глаза, потому что в Контуре так принято, а глаза — это лишнее.

— Задача. Точка в Пустоши. Координаты загружены. Образец должен быть доставлен живым и в срок.

— Что за образец? — спросил Роу.

— Носитель. Тип шестой.

— Латентный.

— Именно.

Роу кивнул. Он умел не задавать второй вопрос, потому что второй вопрос в Контуре стоил дороже первого, а третий не задавали вовсе.

— Сопровождение?

— Ты и четверо. Транспорт бронированный, вертолёт до периметра, дальше своим ходом. На всё шесть суток.

Майор наконец поднял глаза. Они были серые, как бетон, и такие же тёплые.

— Лейтенант. Носитель — не человек. Ты это помнишь?

— Помню.

— Тогда всё.

Он вышел из ангара, и снаружи дул ветер, сухой и колючий. За ограждением тянулся мёртвый лес, стволы без коры, обрубки, торчащие в небо, а дальше начиналась Пустошь.

Роу достал из кармана металлический жетон, на котором было выбито имя его матери и год её смерти, две тысячи семьдесят первый. Он носил его одиннадцать лет и до сих пор не решил, зачем. Он сжал жетон в кулаке, потом убрал обратно.

В кармане лежал приказ, подписанный вчера. В приказе было сказано, что при угрозе срыва доставки носителя надлежит устранить, потому что живым он нужен только до определённой черты. Черта была обозначена координатами, и Роу их уже посмотрел. До них оставалось четыре суток пути, а у него в запасе было ещё два.

Сопровождение собралось к вечеру. Четверо, все моложе Роу, все с одинаковыми глазами, внимательными и пустыми. Сержант Кейн, двое рядовых, которых звали Пирс и Моралес, и водитель по кличке Гвоздь, низкий, широкий, с руками в старых ожогах.

— Вертолёт в шесть ноль-ноль, — сказал Кейн. — До периметра два часа, потом пешком.

— Пешком сколько? — спросил Пирс.

— Четыре суток. Если повезёт.

— А если нет?

Кейн не ответил. Он посмотрел на Роу, и Роу посмотрел на него, и оба знали ответ, и оба знали, что вслух его говорить не надо.

Ночью Роу не спал. Он лежал на койке в казарме, смотрел в потолок и слушал гул Контура. Гул был ровный и привычный, но сегодня в нём слышалось что-то новое, низкое и глухое, как будто машина устала и не хочет признаваться.

Он достал приказ и перечитал его, потом перечитал второй раз, и ничего не изменилось.

Он подумал о матери. Она умерла в семьдесят первом, когда ему было восемь, и он помнил её руки, тёплые и шершавые, с коротко стриженными ногтями. Она работала в медблоке и часто приходила домой поздно, а однажды не пришла. Ему сказали, что она умерла от болезни, и он поверил, потому что был ребёнком. Теперь он знал, что она умерла от носителя, латентного, который сорвался в медблоке, и что её убил человек, который до этого три месяца разговаривал с ней вежливо.

Роу убрал приказ в карман и закрыл глаза, но сон не шёл, потому что тело знало: утром начинается то, чего нельзя отменить.

Утром он встал раньше всех. Надел снаряжение, проверил оружие, вышел на площадку, где уже ждал вертолёт, старый,

с облупленной краской и винтами, которые вращались медленно, будто нехотя.

— По местам, — сказал он.

Они сели, винты ускорились, машина оторвалась от земли и пошла на восток, туда, где кончался Контур и начиналась Пустошь.

Ашот додержался до утра.

Егор вошёл в изолятор, когда рассвет только начал пробиваться сквозь морозную дымку. Он открыл дверь и остановился. Ашот сидел на полу в той же позе, в которой Егор видел его ночью, глаза были открыты, и он дышал.

— Капитан, — сказал он тихо. — Я же говорил.

Егор присел на корточки рядом и смотрел на Ашота долго, не говоря ничего.

— Ты не боишься, — сказал он наконец.

— Боюсь, — ответил Ашот. — Но я умею бояться и не показывать.

— Зачем ты пришёл сюда?

— Потому что здесь можно жить.

— Здесь нельзя жить, здесь можно только держаться.

— Это одно и то же, капитан. Просто вы называете по-другому.

Егор встал. Он подошёл к двери, открыл её и позвал сержанта.

— Печку. И горячее. Через час.

Сержант удивился, но не сказал ничего, потому что знал: спорить с капитаном — это тратить время.

Егор вышел на двор. Генератор гудел, цистерны стояли, боец на вышке больше не спал. На востоке небо было чуть светлее, чем вчера, и это ничего не значило, но Егор всё равно посмотрел туда долго и внимательно, будто ждал, что оттуда кто-то придёт.

Оттуда действительно шли.

Вертолёт шёл низко, над самыми верхушками мёртвого леса. Роу смотрел вниз через мутное стекло. Стволы без коры торчали в небо, как обрубленные пальцы, и между ними лежал снег, серый, грязный, с чёрными прожилками.

— Периметр через десять минут, — сказал Гвоздь.

Роу кивнул. Он посмотрел на карту, потом на приказ, потом снова на карту, и координаты в приказе не совпадали с координатами на карте. Разница была небольшой, всего пара километров, но она была, и он это отметил.

Он сложил карту и убрал её в карман.

— Садимся, — сказал он.

Вертолёт пошёл на снижение, и внизу показалась площадка, расчищенный пятак, окружённый обгоревшими деревьями. Они сели.

Роу вышел первым, и мороз ударил в лицо, сухой и злой.

Он вдохнул, выдохнул и огляделся. Периметр был пуст, а за периметром начиналась Пустошь. Он поднял руку, и отряд двинулся вперёд.

Егор стоял у ворот и смотрел на восток. Он не знал, что от туда идут, он просто чувствовал, что что-то сдвинулось. Генератор гудел ровно, цистерны стояли, боец на вышке бодрствовал, всё было правильно, но правильно — это не то же самое, что спокойно.

Он вернулся в дежурку и сел за стол. Перед ним лежала карта Кольца, старая, потёртая, с пометками. Он развернул её и начал смотреть, и на восточной границе была точка, которая называлась Пустошью.

Он долго смотрел на неё, потом сложил карту и убрал в планшет.

Ночью он снова не спал. Генератор гудел, мороз крепчал, и где-то далеко, за сотни километров, шёл человек, который нёс приказ, и человек, который нёс тайну, и они пока не знали друг о друге.

Но они узнают.

Зима в этом году пришла раньше срока, тихо и без ветра, и легла на землю тяжёлым одеялом. Пустошь побелела, Кольцо затянуло инеем, Контур закрыл внешние шлюзы. Где-то

между ними, на границе, стоял караван из двенадцати голов, и один из них был латентным, другой — офицером военной полиции, который его охранял, а третий — лейтенантом морской пехоты, который шёл за ним.

Никто из них ещё не знал, что через несколько дней их дороги сойдутся, но зима это знала, и она уже начала считать дни.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

КОЛЬЦО

Утро пришло серым, как и всё остальное в этом блоке, и Егор встретил его на ногах. Он не спал почти всю ночь, но тело привыкло к этому за годы, и усталость не мешала ему двигаться. Она просто шла рядом, как второй человек, которого никто не видит.

Он вышел на двор перед рассветом. Мороз стоял крепкий, тот самый минус двадцать два, о котором говорил Ашот, и дышалось тяжело, будто воздух кто-то процедил через марлю. Над цистернами вился пар, тонкий и упрямый. Боец на вышке стоял прямо, как и положено, и Егор отметил это, не сказав ничего.

Сержант ждал его у изолятора. Лицо у него было мятое, глаза красные, но держался он ровно.

— Живой, — сказал он вместо приветствия. — Дышит.

— Печку дали?

— Дали. И горячее. Он поел.

Егор кивнул и толкнул дверь.

Внутри изолятора стоял запах сырости и дыма, смешанный с чем-то ещё, тонким и неприятным, будто пахло не человеком, а чем-то, что живёт внутри человека и не хочет выходить. Ашот сидел на топчане, укрывшись старым одеялом. Лицо у него было серое, но глаза смотрели ясно.

— Капитан, — сказал он. — Спасибо за печку.

— Не благодари. Это не милость, это расчёт.

— Я знаю.

Егор сел напротив, на табурет, и долго молчал. Печка гудела тихо, по-своему, не так, как генератор, и от этого гудения становилось беспокойно.

— Расскажи, что ты умеешь, — сказал он наконец.

— Многое. Я работал с водой. Знал, где искать её под землёй, где она не портится. Могу определить, где безопасно копать, а где нет.

— Это ремесло, а не мутация.

— Мутация дала мне другое. — Ашот помолчал. — Я чувствую холод. Не так, как вы, а глубже. Когда где-то в системе замёрзнет труба, я узнаю об этом раньше, чем вода перестанет идти.

Егор не ответил. Он смотрел на свои руки и думал о том, что такие навыки в блоке — это больше, чем золото. Воду здесь искали вслепую, и каждая новая скважина стоила человеческой жизни.

— Ты знал, что тебя не убьют, — сказал он.

— Догадывался.

— Почему?

— Потому что вы — военный полицейский, а не палач. Палачи работают по приказу. Вы работаете по расчёту.

Егор встал. Он подошёл к двери и открыл её, впуская в изолятор морозный воздух, и воздух этот вытеснил запах сы-

рости, как вытесняет утро ночь.

— Останешься здесь, — сказал он. — Под замком. Будешь работать на блок. Если соврёшь хоть раз, я тебя убью сам, без трибунала.

— Понимаю.

— И не думай, что ты один такой. У меня в блоке латентных — двое. Оба работают. Оба живы.

Ашот чуть наклонил голову, будто принимая условие.

Егор вышел и закрыл за собой дверь. Замок щёлкнул тяжело, как всегда.

Сержант ждал на дворе.

— Что скажешь, капитан?

— Ставь его на воду. Через неделю проверим.

— Думаете, не соврёт?

— Соврёт, — сказал Егор. — Но соврёт не сразу. У нас есть время.

Он пошёл к дежурке, и мороз хрустел под сапогами, и генератор гудел, и где-то на востоке небо начинало светлеть — медленно, неохотно, будто делало одолжение.

Днём пришёл вызов с третьего узла. Егор принял его в дежурке, прижав к уху холодную трубку, и слушал ровный голос, который читал сводку.

— По восточной границе отмечено движение. Группа, четверо, возможно пятеро. Идут с запада на восток. Не ка-

раван.

— Кто?

— Не установлено. Форма не наша.

Егор молчал.

— Капитан? — спросил голос.

— Продолжайте наблюдение. Мне докладывайте каждые шесть часов.

Он положил трубку и остался сидеть. За окном тянулся серый день, и снег на дворе лежал нетронутый, и боец на вышке по-прежнему стоял прямо.

Он достал карту, развернул и посмотрел на восточную границу. Точка, которая называлась Пустошью, лежала совсем недалеко от того места, где, по сводке, шла группа. Расстояние было небольшим — сутки пути, может, чуть больше.

Он сложил карту и убрал в планшет, и всё утро занимался тем, чем занимался всегда: проверял цистерны, обходил посты, читал рапорты, разбирал жалобы. Работа шла ровно, как шла всегда, и в этой ровности было что-то обманчивое, потому что Егор знал: если оттуда действительно идут чужие, то всё это спокойствие — тонкое, как лёд над водой.

Вечером он снова пришёл к изолятору. Ашот сидел на том же топчане, и лицо у него было уже не серое, а обычное, живое.

— Что-нибудь нужно? — спросил Егор.

— Нет.

— Завтра пойдёшь на воду. Сержант тебя приставит.

— Хорошо.

Егор не уходил. Он стоял у двери и смотрел на человека, который сидел в изоляторе и знал, что его используют, и не делал из этого трагедии.

— Скажи мне одну вещь, — сказал он. — Ты пришёл сюда, чтобы жить. Это я понял. Но почему именно сюда? Почему не в Сад, где латентных не закрывают?

Ашот помолчал. Потом ответил, и голос у него был ровный, без выражения.

— Потому что Сад принимает всех. А Кольцо — избирательно. Здесь ценят, а не жалеют. Мне не нужна жалость.

Егор кивнул и вышел. Замок щёлкнул тяжело.

Ночью он снова не спал. Он сидел у окна в дежурке, смотрел на заснеженный двор и слушал генератор. Тот гудел ровно, но в тоне его снова была та тонкая нота, которая не давала покоя. Егор подумал о чужих на восточной границе, о латентном в изоляторе, о карте, где точка под названием Пустошь лежала совсем близко.

Он подумал, что всё это может быть связано. И что если это так, то зима будет длиннее, чем он думал.

КОНТУР

Первый день в Пустоши Роу запомнил надолго, потому

что Пустошь оказалась не такой, какой он её себе представлял. Он думал, что увидит мёртвую землю, чёрную, выжженную, с редкими остовами зданий. На деле всё было наоборот: земля была живая, слишком живая, с густым кустарником, который рос здесь так, как не рос нигде в Контуре, и с небом, которое тянулось до горизонта без единой постройки.

Отряд шёл по тропе, которую Гвоздь помнил по прошлым рейсам. Снег лежал тонким слоем, не мешал, но скрипел под ботинками, и этот скрип был единственным звуком на протяжении часа.

— Тихо, — сказал Пирс.

— Здесь всегда тихо, — ответил Кейн. — Пока не станет не тихо.

— Это как?

— А ты не думай об этом.

Роу шёл впереди и не участвовал в разговоре. Он смотрел на дорогу, на кустарник, на снег, на горизонт, и всё это он видел впервые. До двадцати девяти лет он не выходил за периметр Контура, и теперь Пустошь открывалась перед ним, как книга, которую он не собирался читать.

К обеду они вышли к развалинам. Это был небольшой посёлок, в котором когда-то жили люди: несколько домов, сложенные заборы, старая колонка у дороги. Крыши провалились, стены держались, и на стенах виднелись следы — длинные, глубокие, будто провели когтями.

— Стой, — сказал Роу.

Отряд остановился.

Он подошёл к одной из стен и посмотрел на следы вблизи. Они были свежие. Снег в бороздах ещё не успел затвердеть.

— Здесь был кто-то вчера, — сказал Гвоздь. — Или сегодня.

— Хищный?

— Похоже на то.

Роу отошёл от стены и посмотрел на посёлок. Он не видел ничего, кроме снега и развалин, но в этом отсутствии движения было что-то, от чего спина покрывалась холодом.

— Обходим, — сказал он. — Крюк в два километра. Заночуем на открытом месте.

— На открытом опасно, — заметил Моралес.

— На открытом опасно, но там хотя бы видно, кто идёт. В развалинах — не видно.

Они пошли в обход. Тропа вела через поле, засыпанное снегом, и ветер дул в лицо, сухой и колючий. Роу шёл впереди и думал о матери.

Он вспомнил, как она однажды рассказывала ему про небо. Ей было двадцать, когда она впервые вышла на поверхность, и она говорила, что небо больше, чем кажется, и что на него можно смотреть бесконечно. Тогда Роу не поверил. Теперь, стоя под низким серым небом Пустоши, он понял, что она была права и что ей просто не хватило времени, чтобы объяснить это как следует.

К вечеру отряд вышел к площадке на возвышенности. Ме-

сто было удобное: с одной стороны склон, с другой — ровное поле, видно на километры. Роу велел ставить палатки и разводить огонь, и когда костёр занялся, отряд расселся вокруг, и на какое-то время все молчали.

— Лейтенант, — сказал Кейн, глядя в огонь. — Расскажите, зачем мы идём за носителем. Что в нём такого?

Роу посмотрел на него.

— Этого я тебе не скажу.

— Почему?

— Потому что не знаю.

Кейн хмыкнул.

— В Контуре так бывает. Приказ есть, объяснений нет.

— Бывает.

Огонь трещал. Ветер стих, и от этого стало холоднее. Роу достал жетон из кармана и посмотрел на него, но не сжал в кулаке, а просто держал на ладони.

— Ваша мать? — спросил Пирс, кивнув на жетон.

— Да.

— Она была военной?

— Медиком.

— Долго прожила?

— Не очень.

Пирс замолчал, и никто больше не спрашивал. Они сидели у огня и слушали, как трещат ветки, и где-то далеко, за полем, в темноте что-то двигалось. Никто этого не видел, но все это чувствовали.

Роу убрал жетон и встал.

— Я — первая стража. Кейн, ты — вторая. Остальным спать.

Он отошёл к краю площадки и сел на снег, положив винтовку на колени. Снег пропитал штаны холодом, но это было даже приятно, потому что холод держал тело в тонусе. Он смотрел в темноту и слушал.

Ночь в Пустоши была не такой, как в Контуре. Там, под бетонными перекрытиями, было всегда тихо, и тишину эту создавали машины. Здесь тишина была живая, она дышала, шуршала, шевелилась где-то в кустах, и в этой тишине слышалось очень много всего, чего Роу не мог назвать.

Он подумал о приказе. Устранить носителя при угрозе срыва доставки. Он подумал о координатах, которые не совпадали. Он подумал о том, что если он убьёт носителя раньше срока, никто не спросит почему — в Контуре не спрашивают, там просто ставят галочку.

Он подумал о том, что если он не убьёт, то спросят обязательно.

К утру стало ещё холоднее. Он встал, размял ноги и посмотрел на восток, где небо начинало светлеть. До точки, обозначенной координатами, оставалось три с половиной суток пути. Он подумал, что если они пойдут быстрее, то дойдут за три.

Он разбудил Кейна и велел собираться.

К полудню они наткнулись на следы. Это были отпечатки обуви, четыре пары, шли с запада на восток. Снег в них ещё не затвердел, и это значило, что прошли здесь не больше суток назад.

— Кто это? — спросил Пирс.

— Не наша группа, — ответил Гвоздь. — И не караван.

Роу присел над следами и рассмотрел их внимательно. Обувь была крепкая, военная, но не контуровская. Размер разный, шаг ровный, шли в строю. Это была группа, которая знала, куда идёт.

— Идут в нашу сторону, — сказал Кейн.

— Идут в ту же точку, — сказал Роу.

Он встал и посмотрел на восток. Тропа уходила в поля, за поля начинался лес, за лесом — то, что было обозначено на карте как Пустошь. И где-то там, в этой серой пустоте, двигались четверо чужих, о которых Роу ничего не знал.

Он поднял руку, и отряд двинулся дальше. Снег скрипел под ботинками, ветер дул в лицо, и небо над головой было серым, как всегда.

КОЛЬЦО

Вечером того же дня Егор получил вторую сводку. Голос в трубке был тот же, ровный, без выражения.

— Группа обнаружена повторно. Продолжает движение

на восток. Состав — четверо, возможно пятеро. Вооружены.

— Оружие какое?

— Автоматическое. Не наше.

Егор молчал.

— Капитан, у нас приказ не вмешиваться. Граница — не наша зона.

— Я знаю, — сказал Егор.

Он положил трубку и посидел немного, глядя в стену. За окном стемнело, и снег пошёл, ровный и густой, и от этого двор стал похож на белую бумагу, на которой ещё ничего не написано.

Он встал и пошёл к изолятору. Замок щёлкнул, дверь открылась, и Ашот поднял голову.

— Капитан?

— Скажи мне, — сказал Егор. — Ты чувствуешь холод в системе. А на расстоянии чувствуешь?

Ашот помолчал.

— Чувствую, — ответил он. — Не всегда. Но если что-то большое замёрзнет или сломается, я узнаю.

— Насколько далеко?

— Километров на двадцать, может, больше.

Егор кивнул.

— Завтра пойдёшь со мной на восточную границу.

Ашот посмотрел на него внимательно.

— Вы решили вмешаться.

— Я решил посмотреть.

— Это одно и то же, капитан.

Егор не ответил. Он закрыл дверь, и замок щёлкнул тяжело. Он пошёл через двор к дежурке, и снег ложился ему на плечи, и генератор гудел, и где-то на востоке, за много километров, шли четверо чужих, и навстречу им шли ещё четверо, и между ними лежала точка, которая называлась Пустошью.

Егор вошёл в дежурку и закрыл за собой дверь. Он сел за стол и развернул карту. Он посмотрел на неё долго, потом сложил и убрал в планшет.

Ночью он снова не спал. Он слушал генератор, и генератор гудел ровно, но в его тоне снова была та нота, которая не давала покоя.

ГЛАВА ВТОРАЯ

КОЛЬЦО

Выехали затемно, когда небо на востоке только начинало наливаться серым, а мороз стоял такой, что дыхание оседало на воротнике инеем. Егор сидел в кабине вездехода рядом с водителем, а Ашот устроился в кузове, укрытый брезентом и двумя тулупами. Сержант ехал сзади на второй машине с тремя бойцами, и это было всё, что Егор мог себе позволить без ущерба для блока.

Дорога шла вдоль линии укреплений, мимо вышек, мимо цистерн, мимо постов, где их пропускали без вопросов. Егор смотрел в окно и отмечал про себя всё, что видел: вмятину на третьем ограждении, следы гусениц у поворота, дым над дальним постом. Он запоминал это автоматически, как запоминал всегда, потому что память в Кольце была дешевле бумаги, а бумага дешевле топлива.

Через два часа они вышли к границе. Здесь укрепления заканчивались, и начиналась нейтральная полоса — узкая, километра три, засыпанная снегом, с редкими следами караванов. Дальше лежала Пустошь.

Егор вышел из машины. Мороз ударил в лицо, и он на секунду зажмурился. Потом подошёл к кузову и откинул брезент.

— Приехали, — сказал он.

Ашот выбрался наружу, и его повело. Он ухватился за борт, постоял немного, потом выпрямился. Лицо у него было бледное, но глаза смотрели ясно.

— Что ты чувствуешь? — спросил Егор.

Ашот помолчал. Он стоял и смотрел на восток, туда, где кончалась нейтральная полоса и начиналась серая пустота. Ветер шевелил его волосы, и снег ложился на плечи.

— Холод, — сказал он наконец. — Не такой, как здесь. Глубже. Будто там что-то замёрзло изнутри.

— Где именно?

— Километров десять. Может, двенадцать.

Егор кивнул и посмотрел на сержанта, который уже подошёл и стоял рядом.

— Что там может быть?

— Вода, — ответил Ашот. — Подземная. Она всегда чувствуется. Но здесь другое. Здесь не вода. Здесь что-то живое.

Егор не стал спрашивать, что именно. Он просто велел грузиться обратно и ехать вдоль границы, на восток, туда, где по сводкам шла чужая группа.

Ехали медленно, потому что дорога была разбита, и вездеход то и дело проваливался в снег. Ашот сидел в кузове и молчал, и Егор слышал, как он дышит — ровно, глубоко, будто прислушиваясь к чему-то внутри себя.

К полудню они остановились. Ашот поднял руку, и водитель заглушил двигатель.

— Здесь, — сказал Ашот. — Ближе не надо.

Егор вышел и огляделся. Место было обычное: поле, засыпанное снегом, редкие кусты, вдали — полоса мёртвого леса. Ничего примечательного.

— Что здесь?

— Следы, — сказал Ашот. — Четверо. Шли с запада. Прошли здесь вчера вечером.

Егор посмотрел на снег. Никаких следов он не видел, но он знал, что Ашот не врёт. Латентные чувствовали то, что обычные люди не замечали.

— Куда они шли?

— На восток. К той точке, где холод.

Егор достал карту и развернул её. Точка, обозначенная координатами, лежала точно на востоке, в дне пути от того места, где они стояли. Он сложил карту и убрал в планшет.

— Возвращаемся, — сказал он.

— Капитан? — удивился сержант.

— Здесь мы ничего не сделаем. Если чужие идут к той точке, нам нужно быть там раньше.

Он сел в машину и хлопнул дверью. Сержант постоял немного, потом пошёл к своей. Вездеходы развернулись и пошли обратно, и снег, поднятый гусеницами, медленно оседал за ними.

Ашот сидел в кузове и смотрел на восток, и в глазах у него было что-то, чего Егор не видел раньше. Что-то, похожее на страх.

КОНТУР

Ночь на второй день выдалась тяжёлой. Ветер сменился, подул с севера, и температура упала так резко, что дыхание начало оседать на лицах. Отряд шёл медленно, увязая в снегу, и Роу то и дело оглядывался, потому что чувствовал: за ними смотрят.

Он не мог объяснить это чувство. Просто знал, что в темноте, за пределами видимости, что-то есть. Оно двигалось параллельно, не приближаясь, но и не отставая.

— Лейтенант, — позвал Кейн шёпотом. — Слышите?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.